

Моя неугомонная Марта

повесть

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Яна Ахматова

Яна Ахматова

Моя неугомонная Марта

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ахматова Я.

Моя неугомонная Марта / Я. Ахматова — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Марта чувствует себя в безопасности, только имея крепкие финансовые тылы. Она не воспринимает жизнь, как трудность и движется вперед. Наличие детей не может помешать осуществлению ее смелых планов. Наградой же за любознательность и стремление познать мир является материальное благополучие. Читателя ждет также искрящийся иронией рассказ "Навсегда!", где автор увлекает захватывающим повествованием о своей жизни в России и Канаде. Содержит нецензурную брань.

МОЯ НЕУГОМОННАЯ МАРТА

Родную сестру моей матери называли в честь известной революционерки Розы Люксембург, убитой выстрелом в голову после жестокого допроса в 1919 году.

Тогда шло восстание берлинских рабочих.

Сбросив труп в Ландвер-канал, немецкий офицер антикоммунистического добровольческого войска жестоко нарушил космический порядок естественного цикла жизни и смерти, когда у души есть положенные сорок суток для плавного вознесения и слияния со вселенским сознанием.

С тех пор заблудившийся дух социал-демократа Розалии метался по свету не находя пристанища, пока наконец моя тетя Роза не произвела на свет бойкую девочку Марту. Теперь, после многолетнего обзора и анализа жизни своей сестры, я уверенно могу сказать, что неугомонная сущность Розалии Люксембург поселилась именно в теле Марты. Почему Розалия выбрала сестру я точно не знаю, но предполагаю, что кроме имени матери сыграла роль и дата рождения Марты – день ее появления на свет абсолютно совпадал с днем рождения революционерки: пятое марта.

Оставшись таким же неустрашимым и уверенным, дух, однако, несколько изменил направление своей активности. К идеям социал-демократии он уже относился весьма индифферентно, а сильно уважал частную собственность и личный капитал.

Марту я стала наблюдать с тех пор, как заметила ее непрекращающееся стремление к различным видам деятельности. Так наблюдают больных, чтобы удостовериться в правильности прописанного лечения. Одно время я думала, что ее неугомонная страсть и есть что-то типа болезни..., но тогда, будучи уже взрослой женщиной, вездесущая Марта привела в пример разностороннего Леонардо да Винчи и убедила меня, что это не она, а я – ненормальная и застывшая в своем развитии, потому как все еще хожу на работу в замшелую аптеку, где мне платят копейки... С этим трудно было не согласиться... Мне действительно платили жалкие копейки.

Ее буйное стремление к получению знаний и всевозможных практических навыков все время шокирует. Иногда думаешь: «Ну все! Видимо, она угомонилась». Ан нет! Марта придумывает себе очередное занятие и, не обращая внимания ни на кого, занимается новой деятельностью с каким-то остервенением.

Первыми шагами сестры на пути познания мира стали безобидная вышивка гладью и идиллическое вязание, которым она начала обучаться еще школьницей. Освоив нехитрое, но кропотливое рукоделие, разукрасив кучу одежды вышивкой и связав себе кофту и целые брюки, она внезапно переключилась на стенографию. Было это уже в классе десятом... Марта до сих пор использует эти закорючки, когда пишет от руки. Позже, в институте, конспекты лекций активной девушки популярностью не пользовались, потому что никто не знал, как их расшифровать. Роза же, мать Марты, спокойно читает любые рукописи дочери, потому что на всякий случай сохранила для себя учебник...

Сестра была на год старше меня. Жила она с родителями в довольно большой станице, коих много разбросано в донских степях, откуда и приехала она в Питер поступать в химико-фармацевтический институт. Сдав экзамены, но не набрав нужное количество баллов, Марта, в ожидании следующей попытки поступления, решила между делом приобрести навык шитья и сдала документы в швейное училище. Через год, теперь уже швея-мотористка пятого разряда, снова предприняв атаку на уважаемое учебное заведение – победила, став своего рода уникальным обитателем шестнадцатипятиэтажного здания общежития химфарма на проспекте Испы-

тателей: у нее была своя швейная машинка Зингер и ценная сноровка по подгонке кителей будущих офицеров...

Я, прилетев с далекого Курильского острова, куда пять лет назад переселились мои родители из Волгограда, поступила в этот же институт сразу после школы. Таким образом, дороги наши сошлись и, как оказалось, навсегда.

Перед Мартой открываются новые горизонты познания. Если для меня учеба занимает все время, то для Марты этого мало! Она решает, что пора браться за английский язык, преподавание которого в провинциальной школе было чисто формальным... Долгое время, в дополнение к урокам английского, сестра тесно общалась с целой шайкой американских мормонов, наводнивших Россию в девяностых годах.

Миссионеры из Юты искали новых членов, а Марта – носителей английского языка. Самое интересное, что сестра считала их шпионами.

– Я абсолютно уверена, что это шпионы! – говорила она – Посмотри, как они выглядят! Высокие, подтянутые, сквозь рубашки проступает мускулистое тело. Среди них нет ни мелких хлюпиков, ни больных. Они по-армейски коротко подстрижены. Это типичные диверсанты! Я не удивлюсь, если выяснится, что это – «пятая колонна». К тому же, я узнала каким строгим правилам подчиняется их жизнь здесь. Это армейские люди, спецназовцы! Ходят всегда по двое – это приказ сверху. Отутюженные костюмы, белые рубашки, галстуки. Сумки – через плечо, чтобы руки оставлять свободными. Все говорят по-русски! Их любимая еда – блины!!!

– Так может не надо тогда к ним на уроки ходить? Мало ли что... завербуют тебя ненаароком... или в секту свою затянут. У них ведь многоженство в почете, кажется?

– Нет, не затянут! Я – кремень! К тому же в бога не очень верю... А насчет жен – так там уже все места заняты. И потом, где я еще найду живых носителей?..

Для души Марта поет под гитару. Гитары, однако, ей не хватает и, чтобы окончательно выразить себя в искусстве, она поступает в институтский хор! Хористы исполняли духовные песни афроамериканцев, слегка разбавляя их Моцартом и Генделем. Спиричуэлс перемешивался с музыкой барокко...

Около ее общежитской кровати все время стояли лыжи! Да, Марта, занималась в лыжной секции института и участвовала в каких-то неясных соревнованиях и гонках. Попутно с гонками она вдруг становится заядлым театралом. Тут я ее поддержала, и мы частенько проводили вечера в малом зале филармонии, в консерватории или в каком-нибудь театре города.

Далее следовали нескончаемые курсы по истории искусства в Эрмитаже. Было очевидно, что беспокойному духу Розалии Люксембург явно не хватало широты и размаха.

Особенным вниманием Марты пользовались лекции о золоте скифов, западноевропейских изделиях из серебра и бронзы эпохи Возрождения, а также – о прикладном искусстве античности...

Марта плетет на коклюшках!

Как-то вечером переходя из комнаты в комнату, чтобы продемонстрировать девчонкам свои достижения, усердная кружевница наткнулась на преподавателя по физической и коллоидной химии, который, на свою беду, дежурил в общежитии. Перекрыв выход из общественной

кухни своим телом и слегка оттеснив мужчину к висящей под потолком лампе, она с энтузиазмом объясняла химику разницу между простой мережкой и кружевами. Лекция сопровождалась показом образцов, сделанных самой Мартой. Изнуренный внезапным прикладным знанием преподаватель смог вырваться только через полчаса. Как ни странно, но через месяц на экзамене по физколлоидной химии он поставил ей «отлично», что было для него редкостью...

Тридцатое декабря. Поздний вечер. Мы сидим в своей комнате и вяло готовимся к сессии. Какой-то деятель из министерства высшего образования придумал начинать экзамены второго января...

Я, лежа на своей кровати, читаю конспекты, а Марта, нахально обнажив свою смуглую грудь пытается сконцентрироваться на содержании толстого учебника. Безумные биохимические формулы наводили на мысль о сложности мироздания и тщетности познания всего сущего...

У сестры проходил этап тестирования очередной теории по закаливанию и усилению кожного дыхания. Надо было минимум раз в день ходить голой по часу или что-то около этого...

Неожиданно в дверь постучали, и мы спокойно сказали «входите!», потому что бояться было нечего – на нашем тринадцатом, впрочем, как и на всех остальных этажах – кроме второго и третьего – жили только девчонки. Поздний вечер к тому же исключал вероятность других визитеров...

Дверь распахнулась. Глядя под ноги и неся перед собой две большие и явно тяжелые, припорошенные снегом сумки, в комнату очень быстро вошли три огромных мужчины! Длинные черные шинели молодых людей тоже были в снегу...

Марта автоматически вскочила со стула и прижала «биохимию» к груди. Нижняя часть тела закаливанию пока не подлежала... Я села на свою кровать.

С осторожностью поставив сумки на пол, молодцы дружно и одновременно заговорили. Причем, громко! Вероятно, они хотели дать нам понять, что видеть обнаженное женское тело для них – в порядке вещей!

– Здравствуйте, девчата!

Поговору самого высокого я предположила, что это либо белорус, либо пришелец из пограничных районов с Украиной, потому что в его произношении приветствие звучало как «здраустуйте, деучата».

Ни в донских степях, ни на Волге, ни в Питере слово девчата активно не употреблялось. Я слышала его только в кинофильме «Девчата», да еще часто встречала в литературе. Его все знали, но в разговорной речи использовали редко, имея эквивалент – девчонки.

Высокий парень с говором был красавец! Длинное лицо, зеленые большие глаза, загнутые ресницы, нос большой, но тонкий, короткие, но видно, что волнистые волосы – словом, греческая фреска...

Два его друга тоже были большого роста, широкоплечие и симпатичные. Один из них был явным блондином, а другой как будто рыжим. Я откровенно любовалась картиной... Неожиданно тяжелая шестикилограммовая биохимия, как-то изогнувшись в обложке, выпала из рук

Марты. Ей пришлось схватить лежащую на столе фармакопею – она тоже была солидным прикрытием.

Молодые люди упрямо делали вид, что не обращают внимания на наготу девушки. Вероятно, это было проявлением шока... Ну или так им казалось надо действовать в сложившейся ситуации.

Марта была девчонкой яркой и красивой. У нас, в роду Шулейкиных, люди высокие – с голубыми или зелеными глазами... Как все казаки и их потомки – мы имеем слегка скуластые лица, естественно смугловатую кожу и удлиненные глаза. По отцовской линии дед Марты был цыганом. Видимо поэтому у нее, так же как у деда и отца, были черные слегка волнистые волосы. Представьте, узкие и длинные оливковые глаза – а на солнечном свете они были просто ярко зеленые, высокие скулы, слегка курносый, но симпатичный нос, красиво очерченный рот с губами умеренной пухлости и смоляные длинные волосы. Факт, что «биохимия» выпала из рук только добавил очков к ее красоте.

На фоне сестры я выглядела молью, хотя тоже имела зеленые глаза и втайне считала себя красавицей...

Курсанты лихорадочно заговорили все вместе.

– Мы это пока оставим здесь... – они показывали на сумки.

– В принципе, здесь все что надо.

– Вы ничего с этим не делайте. Мы потом сами все организуем...

– Антон не смог сегодня прийти, он на вахте.

Тяжеловесная фармакопея тоже обрушивается на пол. Марта ее поднимает и снова прижимает к себе. Эта борьба с химико-фармацевтическими знаниями уже утомляла...

Не представившись и ничего не спросив, в спешке уходя, молодые люди сказали только одну таинственную фразу:

– А завтра нас будет восемь!..

Дверь за ними закрылась. Посередине комнаты стояли две черные сумки. Весь визит длился меньше минуты.

Заперевшись на замок, мы подошли к неизвестному багажу и сразу открыли обе молнии.

– О! Шампанское! Неужели целая сумка заполнена божественным напитком? – спросила Марта.

– А в этой – похоже, одна водка... А.., нет, тут еще какой-то портвейн есть – я пыталась подсчитать количество бутылок.

– А кто такой Антон? И кто они, эти случайные благодетели? – говорила сестра уже откупоривая шампанское.

Я знала, что к полусладкому у нее была особая слабость.

– По-моему, это морское училище имени адмирала Макарова. Слушай, а не поздравит ли нас шампанское-то открываем?

– Никак нет!.. Наши внезапные друзья могут опомниться, что не туда принесли сумки, и вернуться... Надо взять ситуацию под контроль! – в этот момент раздался хлопок.

Я уже подставляла чайные чашки, потому как фужеров у нас не было. На звук вылетевшей пробки прибежала Лариска Толстых и стала ломиться в дверь.

– Я все слышала, у вас есть шампанское! Немедленно откройте!

Мы впустили Лариску, которая уже несла шоколадные конфеты – недоеденную коробку грильяжа в шоколаде...

Сделав пару глотков шампанского и внимательно осмотрев грудь Марты, Толстых заметила:

– Нудизм – это любопытное направление в философии познания себя и мира...

На этом ее яркая, но краткая речь закончилась. Допив все, что было в чашке, она подошла к сумкам...

– Янка, я, кажется, полюбила греческую фреску с непонятным диалектом! – почти плакала Марта. Алкоголь действовал на нее всегда быстро – особенно газированный...

– Да, я тоже его полюбила, вот только этот акцент...

– Если он научится говорить на русском, мне придется... – Марта не договорила, потому что Лариска подняла руку вверх.

– Внимание! Здесь двадцать бутылок водки! Пятнадцать бутылок портвейна «Кавказ», пять бутылок Рислинга и четыре бутылки шампанского! Пятью мы уже почти выпили, – бодро и по-деловому доложила Лариска.

Она не поленилась пересчитать весь алкогольный запас. Сюсюканье, эротическое слюнотечение и разговоры про любовь она не поддерживала. Для этого ее спиртная доза должна была быть в три раза больше. У Толстых – крепкая конституция, к тому же ее увлекали только детективы...

Видимо, поэтому, имея навык распутывания психологических и криминальных клубков, она через минут пять сделала вывод, что парни из Макаровка приходили к Ленке Первушиной из квартиры ниже этажом. Сбегав вниз и осторожно задав там пять-шесть вопросов, Лариска выяснила, что действительно, связи с курсантами имелись, Антон фигурировал как некий брат некой подруги Лены и вообще, там ждали ребят уже часа два...

– Что будем делать? Раскрываться или допивать шампанское пока оно у нас? – Лариска с трезвой готовностью бойца-коммуниста смотрела на сумки.

– Ни раскрываться, ни допивать мы ничего не будем. – объявила Марта. – Они же Новый Год хотят здесь отмечать – это очевидно! Завтра этих курсантов будет восемь, а у нас как раз никого не предвидится..., поэтому я пошла картошку с яйцами для оливье ставить вариться.

Марта принимала решения всегда быстро...

Вечер закончился весело и даже с песнями...

На следующий день, тридцать первого декабря, в районе семи часов вечера к нам явились обещанные восемь курсантов во главе с «греческой фреской». Мы уже были готовы к встрече Нового Года. Накрывался стол на пятнадцать человек, красивые девчонки суетились тут и там, в квартире звучала музыка и уходившие от нас курсанты не захотели...

Новый знакомый Марты, а если точнее, то зеленоглазый греческий бог, который оказался парнем из Краснодарского края, повлиял на следующее занятие сестры.

Курсы водолазов!

Нет, это не были современные курсы дайвинга! Это были реальные водолазные курсы! Как Марта оказалась в учебном центре для экипажей подводников Дважды Краснознаменного Балтийского Флота я предполагаю только примерно – скорее всего «греческая фреска» дал наводку или прямо привел ее туда. Однако, девушку оттуда вежливо выгнали с рекомендацией обратиться в морскую школу ДОСААФ. Там, в школе, и выдали ей по окончании свидетельство о квалификации – водолаз-спасатель пятого разряда с двадцатью спусками под воду...

После института, распределившись в одну из аптек Питера и заодно выйдя замуж за Краснодарского полубога, Марта решает овладеть тайными знаниями дизайнеров одежды. На мое возражение, что она вроде бы в швейном училище уже отучилась Марта заявила, что там будущим швеям-мотористкам привили только один навык – делать прямые строчки!

Короче говоря, за два года она овладела сакральными знаниями, попутно еще родив ребенка. Начиналась интереснейшая пора в ее жизни – можно было творить и не ходить на работу! Ей полагался отпуск по уходу за младенцем...

Марта шьет красивые, по-настоящему талантливые вещи! Вся ее квартира вечно усыпана обрезками ткани и нитками. Фоном ко всему этому звучит музыка барокко...

Одновременно с дизайнерским творчеством сестра вдруг решает научиться десятипальцевой слепой печати на машинке! (Компьютеры тогда еще были редкостью.) Зачем ей понадобился этот навык знала только она сама... Тем не менее духовному двойнику знаменитой революционерки даже выдают диплом о том, что она переплюнула всех учащихся и вырвалась на первое место по скорости слепой печати! Печать пригодилась ей с приходом эры компьютеров – Марта влилась в нее очень органично.

Научившись всему этому, сестра как бы заскучала. Тут я и подумала, что период одержимости, вероятно, закончился.

Как я была неправа! Все вышеперечисленное являлось только репетицией.

Неопределенное время сестра просто в раздумьях читала брошюры «Выращивание поросят» и «Прудовое хозяйство». Затем следовали книги «Изготовление кирпича в домашних условиях», «Разведение нутрий» и «Творог и другие кисломолочные продукты. Руководство по производству». Создавалось впечатление, что она готовилась к Апокалипсису. Все практические знания современной цивилизации должны были плотно и надежно утрамбоваться в ее мозге, чтобы потом, после спасения на горе Арарат, она могла научить горстку выжив-

ших людей всему, чем владело человечество до катастрофы. Подразумевалось, что сама Марта попадет в число счастливчиков, не тронутых катаклизмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.